Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800029102-8

Поэтика метаморфоз и “наслаивания” в рассказе Н. С. Лескова “Маленькая ошибка”: к проблеме “метод классического писателя”

© 2023 г. О. В. Евдокимова

Доктор филологических наук,
профессор Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48
odnodum8@mail.ru

Резюме. В опоре на исследование С.С. Аверинцева “Поэтика ранневизантийской литературы”, на понимание ученым феномена “поэтика” выявлена специфика образа в рассказе Н.С. Лескова “Маленькая ошибка”. Поэтика метаморфоз (Овидий), иконная поэтика “послойной живописи” способствуют воплощению формотворческих интенций писателя XIX века в создании такого образа, который синтезирует “баснословные” (бытовые) и “бытописательные” (бытийные), словесные и пластически-изобразительные, восходящие к языческой и христианской культурам особенности, побуждая читателя к активному толкованию и пониманию противоречий изображения. В статье продолжается изучение поэтики Н.С. Лескова с учетом эстетических оснований его творчества: принципа намеренного архаизирования и модернизации; примата мастерства, укорененного в традиции; “двоящегося образа”; пограничной формы. Телеологические цели анализа заключаются в стремлении приблизиться к пониманию метода самого “непонятого” русского классического писателя.

Ключевые слова: поэтика русской литературы XIX века, Н.С. Лесков, образ, метаморфозы, “послойное письмо”, метод классического писателя.

Для цитирования: Евдокимова О.В. Поэтика метаморфоз и “наслаивания” в рассказе Н. С. Лескова “Маленькая ошибка”: к проблеме “метод классического писателя” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 23–27. DOI: 10.31857/S160578800029102-8

Poetics of Metamorphosis and “Layering” in a Story “A Small Mistake” by N. S. Leskov: Towards the Problem of the “Classical Writer’s Method”

© 2023 Olga V. Evdokimova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia
odnodum8@mail.ru

Abstract. Based on S.S. Averintsev’s study “Poetics of Early Byzantine Literature” and on the scholarly understanding of the “poetics” phenomenon, the specificity of the image in N. S. Leskov’s story “A Small Mistake” is revealed. The poetics of metamorphosis (Ovid), iconic poetics of “layer-by-layer painting” contribute to the embodiment of form-creative intentions of the 19th century writer in the creation of such an image, which brings into synthesis the “fabulous” (everyday) and the “everyday-descriptive” (everyday life), verbal and plastic-imaginative features dating back to pagan and Christian cultures, encouraging the reader to interpret actively and understand the contradictions of the image. The article continues the study of N.S. Leskov’s poetics taking into account the aesthetic foundations of his work: the principle of deliberate archaization and modernisation; the primacy of craftsmanship rooted in tradition; the “double image”; the

boundary form. The teleological goals of the analysis lie in the attempt to approach an understanding of the method of the most “misunderstood” Russian classical writer.

Key words: poetics of Russian literature of the 19th century, N.S. Leskov, image, metamorphoses, “layer writing”, the classical writer method.

For citation: Evdokimova, O.V. Poetika metamorfoz i “naslaivaniya” v rasskaze N. S. Leskova “Malenkaya oshibka”: k probleme “metod klassicheskogo pisatelya” [Poetics of Metamorphosis and “Layering” in a Story “A Small Mistake” by N.S. Leskov: Towards the Problem of the “Classical Writer’s Method”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 23–27. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800029102-8

Основываясь на опытах чтения рассказа Н.С. Лескова “Маленькая ошибка” (1883) в студенческой аудитории (2015–2022 гг. филологический факультет РГПУ им. А.И. Герцена), легко заключить, что это произведение писателя XIX века воспринимается в традиции анекдота. Текст понимается как смешное, изысканное повествование о “девичьем грехе”, который не просто удалось скрыть, но сделать и не бывшим вовсе. Отметим, почти всегда у читающих возникает подозрение: какие-то глубинные смыслы могут крыться за забавным рассказом. Повторное чтение, а в истории знакомства с произведением была студентка, читавшая написанное Н.С. Лесковым пять раз, делает подозрения в авторском “подвохе” непоколебимыми, хотя понять текст не помогает¹. Продвигаясь от восприятия рассказа к его научному анализу и пониманию, необходимо сосредоточиться на поэтике в её связях с эстетикой, т.е. на проблеме метода русского классика XIX века.

Обратимся к поэтике образа центрального героя – героя-спасителя. В начале повествования этот герой охарактеризован так: «Капитолина Никитишна была замужем, только не за купцом, а за живописцем, – однако очень хороший был человек и довольно зарабатывал – всё брал подряды выгодно церкви расписывать. Одно в нём всему родству неприятно было, что работал божественное, а знал какие-то вольнодумства из Курганова “Письмовника”. Любил говорить про Хаос, про Овидия, про Промифея и охотник был сравнивать баснословия с бытописанием. Если бы не это, всё было бы прекрасно. А второе – то, что у них детей не было...» [1, с. 253].

“Тётушка”, “дядюшка” и попросили “чудотворца” о детях Капитолине через умножение веры ее мужу, а “вышло” Катечке, у которой мужа

¹ Итоги восприятия и комментирования рассказа “Маленькая ошибка” были представлены студентами филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена (спец. “Русская литература”) в 2022 году на международной конференции “Аксиологические основы русской литературы...”, прошедшей 3–5 октября в Санкт-Петербурге в РГПУ им. А.И. Герцена.

не было. Заметим, такая фабула не совсем согласуется с серьезностью установки на рассказ, заявленной в рамочной главке к нему: речь должна пойти о вере и неверии, о том, кто живет с верою, а кто – не верует.

Из представления героя видно, что первый слой красок в рассказе Н.С. Лескова – слой с очень крупными “частицами пигмента”, говоря языком науки о технике иконописи. Упоминается имя Овидия, что странно в устах “московского степенного человека” – рассказчика “повести”, также и в интересах купеческого зятя, “довольно зарабатывающего”. Именем Овидия маркирован другой пласт русской культуры, сравнительно с тем, о котором идет речь в рассказе, если не иметь в виду “Письмовник” Н.Г. Курганова, где имя Овидия возникает не однажды. Просвещенный читатель в связи с Овидием вспомнит “Любовные элегии”, “Науку любви”, “Лекарство от любви”, “Метаморфозы” и то, что последний текст получил со временем характеристику “языческая Библия”.

Называние Овидия в дальнейшем повествовании больше не появляется, как и другие озвученные имена в приведенном фрагменте текста. Однако темы, приемы, определяемые этими именами, будут развиты, будет углубляться их смысл, воплощаться их изобразительный потенциал.

Н.С. Лесков в “постройке текста” близок к универсальной установке и к технике иконы, в частности, к “послойной” системе создания изображения: краски накладывались так, чтобы нижний слой просвечивал через верхний.

“Самым простым образом иконописную технику можно представить как наложение друг на друга разноцветных слоев краски, основанием для которой служит плоскость белой, грунтованной мелом или гипсом доски. Наслаивание – её главное свойство”, – пишет А. Яковлева, объясняя специфику “постройки” иконы [2, с. 31].

“Послойная система живописи” устремлена к созданию не изображения-иллюзии, а “готовой

формы”, наделенной реальностью и в материальном, и в метафизическом смыслах.

В рассказе “Маленькая ошибка” легко опознается “наслаивание” как отличительное свойство формы. Анализируя развитие повествования, покажем это.

Имя героя, так ярко охарактеризованного в первой главке, — Ларий, но об этом читатель узнает только во второй. Как всегда, имя у Н.С. Лескова — говорящее. Лары — покровители дома. Герой-спаситель — центр домашнего мира. Дом в “Маленькой ошибке” — это и купеческий дом, и дом сумасшедший, и Дом Божий. Ларий — иконописец (“церкви расписывает” (VII, с. 253)), а следовательно, по Н.С. Лескову, не может не соприкоснуться и с “сущностью домостроительства, исполнения замысла Божия о человеке” [3, с. 49].

Именно Ларий, названный “малOVERным”, в конце второй главки скажет о том, что “неведомые обещания” давать нельзя, т.к. через одно из них была отрублена глава Иоанна Предтечи. Герой обращает взгляд других героев и читателя от веры в чудо, должное произойти от веры в чудотворца “Ивана Яковлевича” (Корейшу), к Евангелию, к вере в её существование (“по вере дастся”).

По мере развития повествования превращения или метаморфозы только нарастают. В четвертой главке Ларий уже протестует против того, что его считают малOVERующим, вводит тему “братских чувств”, по которым и следует судить об истинности веры. В пятой, шестой, седьмой и восьмой главках все, включая читателя, увидели эти “братские чувства”, т.к. и приглашены были автором именно воочию увидеть их. Изображение в этих главках, что подчеркнуто очевидно, построено на переплетении и метаморфозах “баснословных” и “бытописательных” сторон изображенного в соответствии с провозглашенным в первой главе способом героя-спасителя смотреть на мир. А именно: Ларий попросил прислать в мастерскую “шипучку” (шампанское), затем открыл “тайности” “сшалившей” девицы, потом “заклял её” художническим заклятием, т.е. спрятал от первого отцовского гнева, оповестил отца о “маленькой ошибке” в тот момент, когда они (Ларий и глава семейства), по устоявшемуся вечернему обычаю, начали “читать часослов в пятьдесят два листа” (VII, с. 257). В купеческом доме такое название носила игра в карты. В последовательности молитвенного цикла чтение часослова приготавливает верующих к литургии. Герой-спаситель в итоге и предложил устранить ошибку не в гневе, а в радости, не “битьем”, а покаянием на коленях, поцелуем и любовью. Начало

же развития метаморфоз у Овидия и у Лескова тоже заключается в сильном чувстве — именно в любви [4, с. 15].

Лесков, кроме того, воплощает в своей поэтике основной поэтический принцип “Метаморфоз” Овидия — пластичность изображения. “Принцип концентрации художественных средств ради пластической наглядности проведен в поэме Овидия с такой неуклонностью, что один в силах сплавить все эпизоды” [4, с. 16], — пишет исследователь произведения римского поэта.

В “Маленькой ошибке” концентрация метаморфоз, превращений столь высока, что даже отвлекает читателя от вникновения в детали рассказанного, но “ставит” его перед смыслом изображенного в целом. Такой эффект достигается потому, что формотворческой, повторим, в произведении Н.С. Лескова является не только поэтика метаморфоз, но и поэтика “наслаивания”, характерная для иконы, т.е. для Византии и Древней Руси, а не для Рима. По мере движения повествования, динамически развивающегося в превращениях, метаморфозах, обнаруживает себя неизменность “нежных чувств”. Любовь Лария и “братские чувства” всей семьи друг к другу, о которых рассказывает “московский степенный человек”, не нарождаются или возрастают, они всегда были, “братские чувства” имеют статус коренных, они только не видны героям. Прием “наслаивания” изображения (послойного наложения красок поверх первой характеристики героя-спасителя) — прием, проявляющий суть, а метаморфозы — прием, побуждающий увидеть ее. В таком сложном синтезе построен визуальный образ в рассказе Н.С. Лескова. Итог этой формотворческой авторской направленности не в создании жанра исторического анекдота, литературной сказки, новеллы, святочного рассказа (именно такие жанровые определения были применимы к произведению). Более точной в данном случае будет характеристика “готовая форма”: рассказ в его эпическом первородстве (В. Беньямин [5, с. 383–418]) и икона [6, с. 19–164]. Читатель Н.С. Лескова (как слушающий рассказ, так и смотрящий на икону) “как бы стоит у начала пути, который не сосредоточивается где-то в глубине, а открывается перед ним во всей своей необъятности. Обратная перспектива не втягивает взгляд зрителя, а, наоборот, задерживает, препятствуя возможности проникнуть и войти в изображение, в его глубину, концентрируя всё внимание зрителя на самом изображении” [7, с. 64].

Читатель-зритель, а он в “Маленькой ошибке” — “точка схода” смыслов, находясь перед

изображением, может узнать совершенно простое, но сущностное событие: ошибка устранена с помощью “братских чувств”. Секрет московской фамилии не в том, что “девица сшалаила”, а в этих “братских чувствах”. Именно потому, что они были, всё и осталось в “благополучной тайности”. Смыслодержащее слово здесь – “тайность”, а не секрет или сокрытие его. “Тайность” и “секрет” маркируют финал и зачин повествования, соотнесены с “бытописательными” и с “баснословными” его сторонами, в движении от “секрета” к “тайности” осуществляется форматворческая интенция Н.С. Лескова. От читателя требуется активность понимания особого рода: способность видеть “очами души”.

О “двусмысленности секрета”, о том, что Н.С. Лесков “совмещает” мистическое с обыденным, писала И.В. Мотеюнайте [8, с. 53–61]. Подчеркнем, что тема литургии константна для рассказа, она фиксируется в реминисценциях, рассыпанных по ткани повествования (“часослов”, “пост”, “скоромное”, “молитва”, “вино”, “покаяние”, “любовь”, “чудо” и др.), в сложных превращениях мистического и “здешнего”. Такая поэтика, несомненно, провоцирует вопрос о методе писателя, тем более, что читатель чаще всего остается только в сфере “здешнего”, анекдота: “братские чувства” оказываются чем-то само собой разумеющимся, но не видимым, не имеющим отношения к “очам души”.

Метод Н.С. Лескова и сегодня остается предметом размышлений в филологических трудах: считается, что это проблема не совсем решенная и почти каждый раз в процессе анализа текста у ученых появляется соблазн её решить. В известной современной работе предпринята подобная попытка. Анализируя “очерк” Н.С. Лескова “Леди Макбет Мценского уезда”, исследователь пишет:

Точно так же Лесков действовал потом во многих своих художественных текстах: брал тему, бывшую на слуху, и, соединив и смешав множество литературных источников, делал собственное оригинальное высказывание. Этим он напоминал автора постмодернистского склада, который компилирует уже существующие культурные модели и смыслы. <...>

Отличие Лескова от других авторов в том, что он словно бы стыдился этих заимствований и всячески их маскировал, заявляя, что в построении повествования ориентируется исключительно на то, как складывается реальная жизнь... [9, с. 253–254].

Этот вывод подчеркивает интенцию к модернизации в форматворчестве Н.С. Лескова, но оставляет открытым вопрос об эстетическом смысле “центонов” классического писателя.

Вернувшись к пониманию феномена “поэтика” в исследовании С.С. Аверинцева “Поэтика ранне-византийской литературы”, необходимо сказать о “системе общих принципов, определяющих всю литературную продукцию эпохи” [10, с. 255] и об отклонении от них, если они присутствуют в творчестве того или иного писателя. “Центоны” Н.С. Лескова в этом свете окажутся не только модернизированными, но и архаизированными; связанными не только с актуальностью идеи, но со смыслом формы.

Говоря об эпохе перелома от античности к средневековью, С.С. Аверинцев пишет:

Форма выбиралась <...> не по соответствию теме, а по противоположности к ней, “наперерез” ей; из-за этого как тема, так и форма выступали в несобственном, превращенном виде. Пределом такого подхода были “центоны” на библейские темы – мозаики из стихов или полустихий языческих поэтов, принужденных описывать как раз то, чего *не могли бы* (курсив автора. – О.Е.) описать языческие поэты: между самостоятельным и контекстуальным значением цитаты возникла рознь, словесный образ двои́лся в самом себе... [10, с. 152].

В “Маленькой ошибке” Н.С. Лескова поэтика противопоставлений и синтеза “бытописательного” и “баснословного”, реализованная во всех элементах воплощения формы (иконописец / живописец, Овидий / Корнейша, “Метаморфозы” / «Курганов “Письмовник”», хаос / строй, дом сумасшедший / Дом Божий, лары Рима / лары К. Батюшкова, грех / целомудрие, секрет / тайна, метаморфозы / наслаивание, прием / смысл и др.), создает “двоящийся образ”, лишаящий текст прямого идеологического пафоса. В этом Н.С. Лесков во многом не свой в своей эпохе, да и в постмодернистской тоже, но свой в традиции (пограничность, контекстуальность формы, ее архаизированность и модернизация). В таком понимании поэтики – одна из разгадок “непонимания” его текстов и постоянного стремления ученых решить вопрос о методе писателя. Подобная поэтика, на наш взгляд, определяет оптику анализа произведений классического писателя – во внимании прежде всего к “двоящемуся образу”, к пограничной форме и как следствие – к смыслу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесков Н.С. Маленькая ошибка // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 7. С. 253. В дальнейшем цитирую по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

2. Яковлева А. Техника иконы // История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. М.: АРТ-БМБ, 2002. С. 31. Цитируется по переизданию: Тверь: ИП Верхов С.И., 2014.
3. Успенский Л.А. Смысл и язык икон // Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. С. 49.
4. Ошеров С. Лирика и эпос Овидия // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Художественная литература, 1983. С. 15–16.
5. Беньямин В. Рассказчик // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383–418.
6. Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII в. // Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII в. История открытия и исследования. СПб.: Библиополис, 2008. С. 19–164.
7. Успенский Л.А. Смысл и язык икон // Лосский В.Н., Успенский Л.А. Указ. соч. С. 64.
8. Мотеюнайте И.В. О тайне юродства: между чудом и суеверием (“Маленькая ошибка” Н.С. Лескова) // Все секреты мира: тайны в литературе и искусстве. Сб. статей. СПб., Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2017. С. 53–61.
9. Кучерская М. Лесков. Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. С. 253–254.
10. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. С. 152, 255.

REFERENCES

1. Leskov, N.S. *Malenkaya oshibka* [A Small Mistake]. Leskov, N.S. *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected Works in 11 Vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 7, p. 253. (In Russ.)
2. Yakovleva, A. *Tekhnika ikony* [Icon Technique]. *Istoriya ikonopisi. Istoki. Traditsii. Sovremennost* [The History of Icon Painting. Origins. Traditions. Modernity]. Moscow, ART-BMB Publ., 2002, p. 31. (In Russ.)
3. Uspensky, L.A. *Smysl i yazyk ikon* [The Meaning and Language of Icons]. Losskiy, V.N., Uspensky, L.A. *Smysl ikon* [The Meaning of Icons]. Moscow, Orthodox St. Tikhon Humanitarian University Publ., 2012, p. 49. (In Russ.)
4. Osherov, S. *Lirika i epos Ovidiya* [Lyrics and the Epic of Ovid]. *Publiy Ovidiy Nazon. Lyubovnyye elegii. Metamarfozy. Skorbnnyye elegii* [Publius Ovid Nazon. Love Elegies. Metamorphoses. Mournful Elegies]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, pp. 15–16. (In Russ.)
5. Benjamin, W. *Rasskazchik* [The Narrator]. Benjamin, W. *Maski vremeni. Esse o kulture i literature* [Masks of Time. Essays on Culture and Literature]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004, pp. 383–418. (In Russ.)
6. Muratov, P.P. *Russkaya zhivopis do serediny XVII v.* [Russian Painting up to the Middle of the 17th Century]. Muratov, P.P. *Russkaya zhivopis do serediny XVII v. Istoriya otkrytiya i issledovaniya* [Russian Painting up to the Middle of the 17th Century. The History of Discovery and Research]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2008, pp. 19–164. (In Russ.)
7. Uspensky, L.A. *Smysl i yazyk ikon* [The Meaning and Language of Icons]. Lossky, V.N., Uspensky, L.A. *Ibid.*, p. 64. (In Russ.)
8. Moteyunayte, I.V. *O tayne yurodstva: mezhdum i suyeveriyem (“Malenkaya oshibka” N.S. Leskova)* [About the Mystery of Foolishness: Between a Miracle and Superstition (“A Small Mistake” by N.S. Leskov)]. *Vse sekrety mira: tayny v literature i iskusstve. Sb. statey* [All the Secrets of the World: Secrets in Literature and Art. Collection of Articles.]. St. Petersburg, Tver, Marina Batasova Publishing House, 2017, pp. 53–61. (In Russ.)
9. Kucherskaya, M. *Leskov. Prozvanny geniy* [Leskov. The Overlooked Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2021, pp. 253–254. (In Russ.)
10. Averintsev, S.S. *Poyetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, CODA Publ., 1997, pp. 152, 255. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 августа 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on August 12, 2023

Revised on August 28, 2023

Accepted on October 15, 2023

Date of publication: December 31, 2023